

ЭКСПЕДИЦИЯ НА СУМАТРУ¹

Летом 1999 г. я была в экспедиции в Индонезии. После нескольких дней пребывания в Джакарте я отправилась на работу на Суматру к батакам. Батаки (численность около 6 млн чел.) живут в высокогорных районах северо-западной Суматры на обширных плоскогорьях вокруг оз. Тоба, а также к северу и югу от него. Они делятся на несколько групп: тоба (2 млн чел.), каро (600 тыс. чел.), сималунган, или тимур (800 тыс. чел.), пак-пак, или даири (1 млн 200 тыс. чел.), англола (750 тыс. чел.), мандайлинг (400 тыс. чел.). Я работала среди каро и тоба батаков. Каро занимают территорию к северу от высокогорного озера Тоба, тоба — к югу от него. Районы моей работы у каро батаков — города Кабанджахе и Берастаги, деревни Лингга, Тонггинг, у тоба батаков — города Тарутунг, Сиборонг-боронг, Балиге, Лагуботи, Порсеа, Прапат, несколько прилегающих к ним деревень, а также деревни на острове Самосир. Только два раза пришлось встретиться с мандайлингами.

Батакские коллекции Музея антропологии и этнографии, поступившие в основном в начале XX в., являются одними из самых многочисленных и интересных в индонезийском фонде музея. По своему составу и значению они не уступают самым представительным коллекциям подобного рода, хранящимся в известных музеях Европы, прежде всего Голландии и Германии, а также в самой Индонезии. Не один десяток лет я изучала предметы батакской коллекции МАЭ, главным образом связанные с религиозно-магическими представлениями батаков, а также занималась проблемами, касающимися особенностей жизненного уклада, социализации детей и мифологии этого народа [Ревуненкова 1969: 235–256; 1973а: 183–200; 1974в: 167–180; 1977: 27–37; 1984б: 120–135; 1988б: 39–61; 1995а: 265–281; 1995б: 94–107; 1997: 151–167]. Учитывая мой интерес к культуре батаков и вышедшие публикации по этой теме, голландский фонд имени выдающегося антрополога Г. В. Лохера счел возможным субсидировать мою экспедицию к батакам для проведения полевых исследований. Работники фонда определили и основные задачи моей работы, которые представляли бы для них интерес, а именно — изучение современной религиозной ситуации у батаков, прежде всего касающейся христианства.

Батаки — один из наиболее социально активных и подвижных народов Индонезии. Выходцы из батаков внесли немалый вклад в развитие литературы и культуры Индонезии. Батакская интеллигенция всегда составляла большой процент среди профессиональных деятелей самого высокого класса — поэтов, ученых, врачей, священников, политиков. Многие батакские студенты и будущие ученые учились и учатся в университетах Европы

¹ Впервые опубликовано в: Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2006. С. 71–81.

и США. Большая батакская община имеется и в столице Индонезии Джакарте. Что касается Медана — самого крупного города Суматры, то в его пестром этническом составе батаки являются лидирующим этносом, а сам город считается в настоящее время главным центром изучения батакской культуры, хотя географически он находится за пределами основного района расселения этого народа. Батаки, живущие в крупных городах, поддерживают постоянные связи со своими сородичами на Суматре в «стране батаков» (*Tanah Batak*).

Моя работа началась уже в Джакарте, где я встретила с известным антропологом — по национальности тоба батачкой — профессором Омах Ихроми, получившей образование в Корнельском университете США. Она дала мне ряд советов, как следует в ряде случаев вести себя с батаками, и рекомендательное письмо к социологу в Медане Маллогу Симапутангу, который позже, во время моего пребывания в Медане, снабдил меня рекомендательными письмами к своим батакским родственникам в Балиге.

Хочу особенно обратить внимание на то, что с самого начала своего пребывания в Индонезии вообще и у батаков в частности я находилась под покровительством протестантской церкви. Главным моим советником, организовавшим знакомство и работу среди батаков Джакарты, была первая священница Индонезии Маргарет Дхарма Анкюв (1925 г. р.), работающая в приходе старейшей больницы Чикини, принадлежавшей Объединенной индонезийской церкви (*Persekutuan gereja-gereja Indonesia*). Главный врач больницы — доктор Польшак Хутагалунг — и многочисленный медицинский персонал, особенно медсестра Мариани Симатупанг и старшая медсестра Расмин (все по национальности тоба батаки), приняли самое горячее участие в моей работе и главное — связывали меня с батаками Суматры. Мариани Симатупанг за умение писать на древнебатакском языке подарила мне *ulos* — традиционную батакскую ткань, использующуюся у батаков в самых разнообразных ритуальных целях [Ревуненкова 1995б: 94–107]. Глава индонезийской протестантской церкви И. М. Паттиасина написал рекомендательное письмо архиепископу батакской протестантской церкви И. Р. Хутауруку, в резиденции которого в Тарутунге я жила все время пребывания у тоба батаков. В Тарутунге меня постоянно сопровождали и всячески содействовали моей работе священница Баса Хутабарат, дьяконесса Линда Лубис, у каро батаков (в Кабанджахе и Берастаги) — священница Росмалиа Барус. Портреты этих незаурядных женщин я собираюсь описать в специально посвященной им статье, где подчеркну также их особую роль в познании мной жизни обычных батакских людей. Большое значение имела также встреча со многими священниками, дьяконессами, учащимися духовных семинарий в течение всего времени моего пребывания у батаков, особенно у племени тоба.

Батаки были обращены в христианство (протестантство) в конце XIX в. Наиболее сильная приверженность к христианству выражена у тоба. Большим почитанием у них пользуется первый христианский миссионер Инг-

вар Людвиг Номменсен (1834–1918), в честь которого в окрестностях Тарунгга на одной из горных вершин воздвигнут грандиозный каменный крест, а на крутом спуске горы находится его могила — надгробие из громадного камня. Портреты И. Л. Номменсена можно встретить в обычных домах вместе с фотографиями, запечатлевшими членов семьи в особенно важные моменты их жизни. Не будет преувеличением сказать, что И. Л. Номменсена тоба батаки почитают не меньше, чем своего национального героя Си Сингамангараджу XII (1858–1907) — последнего правителя независимой батакской земли².

В Джакарте почти в каждом районе есть батакская протестантская церковь, одна из них находилась недалеко от гостиницы, где я жила. На утреннюю службу в воскресенье я пошла вместе с Расмин — старшей медсестрой из больницы Чикини. До начала службы в церкви шли занятия с детьми разного возраста — от дошкольников и школьников начальных классов до подростков и юношей и девушек последних классов школы. Обучение проходило в форме диалога учеников и их наставников в очень непринужденной атмосфере, чувствовалось, что радость общения испытывали и те и другие. В 11 часов в переполненном зале началась служба. Стоит заметить, что в зале было 52 ряда, в каждом по 14 стульев. Кроме того, в каждом ряду было несколько приставных стульев. Многие из присутствующих (и я в их числе) стояли все время, пока шла служба.

В 1999 г. в Индонезии была очень беспокойная ситуация в политическом отношении, особенно в связи с предстоящими выборами президента и войной в Аче (северная оконечность Суматры). В разных частях страны проходили митинги, демонстрации, большая часть населения была втянута в политическую жизнь. В одном явно политизированном мероприятии я принимала участие, но не в столице, а на Суматре, в районе проживания каро батаков — административном центре Кабанджахе и расположенном в 4 км от него городке Берастаги. Я прилетела туда вместе с журналистками из Джакарты: одна из них — Анна Берта Симамора — тоба батачка христианского вероисповедания, другая — Роседиана — яванка мусульманского вероисповедания. Обе они должны были проводить семинар среди каро батаков, посвященный воспитанию чувства политической гражданственности (*Seminar pendidikan kewarganegaraan politik*). В рамках этого пропагандистско-просветительского мероприятия у каро батаков проводился специальный семинар, тема которого была связана с ролью женщины в преддверии XXI в. Она звучала так: «Голос женщины и его определяющая роль для будущего страны» (*Suara perempuan berperan menentukan masa depan*). Обсуждению подлежали следующие доклады:

1. Повышение роли женщины в преддверии XXI в. в эпоху многопартийности в Индонезии (*Meningkatkan peran perempuan menyongsong abad 21 di era multi partai di Indonesia*).

² Подробнее об И. Л. Номменсене см. с. 188–195 наст. изд.

2. Повышение женского самосознания в ответ на удары и тенденции, ожидающие ее в XXI в. (*Meningkatkan kesadaran perempuan akan tantangan jera kesederangan yang hadapi perempuan di abad 21*).

Организатором этих семинаров у каро батаков была священница Росмалиа Барус — жена амбонца (Молуккские острова) и мать двоих сыновей-близнецов, которым тогда было по 13 лет. Дома они говорят по-индонезийски. Доклады и дискуссии велись на индонезийском языке, иногда священница обращалась к присутствующим с речью на каро батакском. Семинар проходил в специальной аудитории при церкви и продолжался два дня — 28–29 июля. В каждый из дней на автобусе привозили жителей из отдаленных десяти деревень, в основном женщин разных возрастов. Все они были нарядно одеты: пожилые — в традиционные длинные юбки и кофты, многие молодые женщины и девушки — в современные платья и костюмы ярких расцветок. Для всех присутствующих это было праздничным мероприятием. Мужчин было не более шести человек, т. к. они были заняты подготовкой полей для посадки риса, т. е. сжиганием кустарника. У каро батаков распространено суходольное рисоводство, в отличие от тоба батаков, которые в основном выращивают рис на заливных полях. Всего каждый день на занятиях было человек по 100. В середине дня для всех был бесплатный обед, а в конце дня каждому участнику семинара давали по 50 рупий (мне в том числе). После обеда женщины усаживались группами по 5–6 человек на траве и жевали бетель. Бетель считается очень дорогим, его привозят из Таиланда. Жуют бетель только женщины, мужчины в это время курят сигареты или папиросы.

Если оценивать это мероприятие по существу, как некий урок политпросвещения, то устроители семинара не добились того, чего хотели, т. е. они не услышали стереотипные достаточно политизированные речи батакских женщин о демократии, в частности демократии в семье, свободе и т. п. Батакские женщины и девушки держались очень свободно, говорили, как правило, о своих насущных проблемах, «снижали» серьезный политизированный характер мероприятия до уровня шутки, иронии, так что время от времени зал буквально сотрясался от хохота. Деревенские батакские женщины часто «переигрывали» своих серьезных лекторов. Приведу только один пример. На весьма серьезный вопрос о том, что значит политика в повседневной жизни, одна из женщин быстро дала ответ: «Продать как можно дороже, а купить как можно дешевле» (*Menjual semahal-mahalnya, membeli semurah-murahnya*), — что, конечно, вызвало дружный смех. Присутствие на семинаре в течение двух дней позволило мне не только приобрести знакомых среди батаков племени каро, но и в полной мере оценить их остроумие, добродушный, ироничный, веселый и шуточный нрав. Вообще в повседневной жизни каро батаки говорят тихо, спокойно, медленно. Наш шофер признался, что, с его точки зрения, мы, т. е. две журналистки и я, говорим слишком быстро и громко. Он добавил, что по своей природе каро батаки не борцы, предпочитают спокойную размеренную жизнь. Действительно, как я могла убедиться

позже, каро и тоба батаки различны по своему темпераменту и социальной мобильности. Тоба в отличие от каро батаков очень активны, энергичны, они вели долгую борьбу за независимость — с 1873 по 1908 г. Выдающиеся в Индонезии государственные и военные деятели, поэты, такие как генерал Насутион, поэты и писатели Армейн и Сануси Пане, Ситор Ситуморанг, Мохтар Лубис и др., — тоба батаки. Тоба батаки более подвижны и легче покидают свою родину, хотя, как уже говорилось, не теряют постоянной связи с ней. Все батаки, с которыми я имела дело в Джакарте и Медане, а до этого в Лейдене — от ученых, медиков и поэтов до велорикш — принадлежали племени тоба. Мне кажется, что весьма красноречиво об открытости тоба батаков всему миру и в то же время стойкой привязанности к своей земле и ее обычаям говорит пример всемирно известного поэта Ситора Ситуморанга. Он родился в 1924 г. в деревне Харианбохо на острове Самосир, где до сих пор в полной мере сохраняется традиционный жизненный уклад и древние религиозно-магические представления. Покинул свою деревню будучи шестилетним мальчиком. В своей жизни ему пришлось испытать многое, в том числе и тюремное заключение (1967–1975 гг.), эмиграцию сначала в Голландию, ныне — во Францию. В настоящее время он часто бывает в Индонезии. Но в 1988 г., когда я встречалась с ним в Голландии, такой возможности у него еще не было. В его доме в Гааге я провела целый день. Конечно, мы говорили о батаках, их жизненном укладе, обычаях, сословии жрецов и т. п. Наш разговор кончился тем, что он повел меня на самый верхний этаж дома, где хранилась батакская деревянная шкатулка с ритуальной тканью *ulos*, в которую, по его словам, должны завернуть после смерти его тело и отправить на родину, чтобы совершить обряд погребения так, как его и в настоящее время совершают батаки.

Вернемся к каро батакам. Недалеко от Кабанджахе и Берастаги находится деревня Лингга, по своему облику очень напоминающая батакскую деревню конца XIX — начала XX в., представленную на макете экспозиции «Народы Индонезии» в МАЭ. Вход в деревню Лингга сделан в виде крытой площадки. Днем на ней сидят неработающие женщины, женщины с детьми, играют дети. Вечером площадка становится небольшим рынком. На ней же происходят собрания жителей деревни. В самой деревне имеются дома традиционной постройки на сваях с двухскатными или четырехскатными массивными конусообразными крышами, покрытыми *иджуком* — волосом пальмового ствола. Сохранился в деревне и так называемый дом раджи, т. е. вождя деревни. В нем еще живут потомки его семьи. Обычно в традиционном доме живут 8 семей. Внутри дома темно, имеются 8 очагов, циновки для спанья. Вход в дом — по приставной лестнице, которую на ночь убирают. Повсюду сопровождавший меня житель деревни сказал, что при входе в традиционный дом женщины рожают детей, и показал, как это происходит: они сидят, расставив ноги, на полу и держатся за верхнюю часть дверного проема. Перед ними в нижней части дверного проема стоит сосуд с водой, куда попадает родивший-

ся ребенок. Помимо жилых домов имеется в деревне и дом для ночлега подростков и неженатых молодых людей, а также гостей мужского пола. Рядом с домами по всей деревне конюшни, загоны для скота. Надо отметить, что в деревне Лингга дома поддерживаются в хорошем состоянии, в отличие от многих других деревень, где новые дома традиционной конструкции уже не строят, а сохранившиеся находятся в ветхом полуразрушенном состоянии³. Особое положение деревни Лингга состоит в том, что это и живая, функционирующая по своим законам деревенская община, и одновременно своеобразный музей, где законсервировался традиционный жизненный уклад, что привлекает к этому месту множество туристов. В деревне имеется небольшая лавочка, где можно купить изделия местного производства, один из ее жителей охотно играет роль гида, получая за это вознаграждение. Открытки с изображением традиционных домов деревни Лингга продаются в магазинах, так же, как и предметы, всегда бывшие сакральными для батаков, но в настоящее время в большом ассортименте изготавливаемые для туристов. Кроме того, недалеко от деревни находится небольшой этнографический музей, расположенный в каменном доме, построенном в традиционном каро батакском стиле. В музее выставлены бытовые вещи и предметы, связанные с древними религиозно-магическими представлениями батаков, прежде всего с магическими жезлами. Тут же, очень недалеко от деревни Лингга и этнографического музея, находится современная постройка с использованием элементов традиционной архитектуры. Вверху имеется надпись — *Geriten Manik*, т. е. «Дом черепов, принадлежащих роду Маник». У каро батаков распространен обычай перезахоронения умерших через несколько лет после первого захоронения. Наиболее богатые члены родов строят специальные дома, где хранятся черепа умерших предков. Этот обычай существует и в настоящее время.

Вернувшись после поездки к каро батакам в Медан и встретившись с профессором Усманом Пелли, занимающимся изучением батакской культуры, и социологом Маллоганом Симатупангом — тоба батаком, получив от них очень ценные советы и рекомендательные письма, я поехала к тоба батакам в Тарутунг, где находится главная резиденция архиепископа батакской протестантской церковной общины (*Huria Kristen Batak Protestan*) И. Р. Хутаурука. И. Р. Хутаурук получил теологическое образование в Германии и там же защитил диссертацию. В его резиденции находится несколько административных зданий, домов для служащих и свя-

³ Многие элементы каро батакской архитектуры используются в современных постройках, как деревянных, так и каменных, особенно в строительстве официальных зданий. В виде крыши традиционного дома с изображением креста оформлен вход на территорию протестантской церкви в Берстаги, часовни по дороге из Кабанджахе в Медан. Ряд традиционных элементов использован в комплексе современных каменных построек для заседаний, расположенных также по дороге из Кабанджахе в Медан, Доме женщин в Медане и др.

щенников, а также общежитие для учащихся и приезжающих церковных деятелей и теологов. В этом общежитии мне предложили остановиться. Каждый день начинался со службы, на которой обязательно присутствовал архиепископ с женой, все работники церковной общины и гости. На всех службах я присутствовала. Проповеди читали разные священники и священницы, как правило, на батакском языке. Но один раз дьяконесса Линда Лубис прочитала проповедь на индонезийском языке и, как она призналась после окончания службы, сделала это специально, чтобы я могла все понять.

Особенно следует подчеркнуть, что мои интересы в области батакской культуры иногда шли вразрез с убеждениями моих постоянных спутников в работе, прежде всего священницы Басы Хутабарат, дьяконессы Линды Лубис, священника — представителя экуменического движения Робинсона Бутарбутара. Они получили христианское теологическое образование и в своей деятельности стремились просвещать свой народ, приобщать его к христианству и отвратить от представлений, которые, с их точки зрения, были выражением дикости и отсталости. Мне пришлось быть свидетельницей встречи священник с колдуньей-целительницей на могиле национального героя батаков Си Сингамангараджи XII и его жен в местечке Сопосурунг в районе г. Балиге. Здесь в 1953 г. произошло его перезахоронение⁴. Колдунья должна была проводить обряд излечения одного из молодых потомков правителя в присутствии его многочисленных родственников. При встрече мы познакомились и вместе сфотографировались на память. Расставаясь, пожали друг другу руки. Священница Баса Хутабарат, не задумываясь, пожалала руку целительнице, а потом спохватилась и дома долго мыла руку водой. Тем не менее все служители христианской церкви сразу поняли, что меня интересуют именно исконно батакские религиозные представления, и делали все возможное, чтобы помочь мне в работе. Так, уже в первой моей беседе с архиепископом И. Р. Хутауруком речь, конечно, зашла о культуре батаков, и он сразу же показал недавно полученный им подарок — магический жезл со всем комплексом традиционных изображений на нем (фигурами предков, хтонических животных, змей), но с новым элементом — изображением в верхней части жезла фигуры распятого Иисуса Христа (о современном развитии деревянной пластики батаков, образцом которой является магический жезл, я еще скажу в связи с погребальными монументами). Баса Хутабарат и Линда Лубис возили меня в деревню Хута Тингги в районе Лагуботи, жители которой сохраняют свои древние религиозные представления и в которой построены специальные дома для молитв и хранения священных реликвий жрецов. Сами священницы не проявляли интереса ни к традиционной религии, ни к свя-

⁴ Я видела по крайней мере три погребальных монумента, воздвигнутых в честь Си Сингамангараджи XII. Два других находятся в Тарутунге, где он был первоначально захоронен 21 июня 1907 г., и в Медане, в центре проспекта его имени.

ценным предметам. А студенты-теологи на острове Самосир, напротив, очень интересовались своей древней культурой, конечно, удивлялись, что старинные батакские предметы имеются в России, и просили как можно подробнее рассказать о них.

Как и у каро батаков, традиционные жилые дома сохраняются в отдаленных высокогорных деревнях и на острове Самосир. Они имеют иную, чем у каро батаков, конфигурацию и по форме напоминают большой корабль. Подобная деревня, расположенная в окрестностях Тарутунга, под названием Лумбансиангкар известна тем, что женское ее население специализируется на ткачестве. Обучение этому ремеслу происходит от матери к дочери. В этой деревне я наблюдала, как одна женщина сидела за ткацким станком и изготавливала традиционные ткани, а на нижней платформе другого дома сидели за ткацкими станками друг напротив друга мать и дочь, и дочь повторяла те движения, которые делала мать. В целом традиционные тоба батакские жилые дома уже не строят, за исключением нескольких официальных зданий (в Медане — Дом народных представителей, в Тарутунге — Дом народных представителей и законодательства (*Dewan Perwakilan Rakyat dan Hukum*) и особенно богато орнаментированное в традиционном стиле грандиозное здание Комитета по делам искусства и культуры (*Gedung kesenian dan kebudayaan*). Современные жилые дома тоба батаков представляют собой небольшие дома на сваях, прямоугольные в плане, с двумя-тремя комнатами и кухней. Они имеют скромный и непритязательный вид. Тем более поражает контраст между скромностью современных жилых домов и пышностью, грандиозностью и архитектурной изощренностью погребальных сооружений у тоба батаков.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что у тоба нет кладбищ. Их могилы находятся либо рядом с домом, либо недалеко от дома. Очень типичная картина — посреди бескрайних рисовых полей то тут, то там возвышаются грандиозные могильные склепы, очень разнообразные, ни один не похож на другой. Кажется, все средства семья и члены родов вкладывают в погребальные сооружения. Но их могут строить только те, кто владеет не только средствами, но и землей. Если земли нет, то умерших хоронят высоко в горах. Именно так была похоронена пожилая женщина, на погребальной церемонии которой я присутствовала. Нередко на погребальных монументах имеются скульптурные изображения умерших, но чаще всего монументы с теми или иными вариациями повторяют форму традиционных батакских домов, напоминающих корабль, а то и весь памятник увенчан скульптурой корабля⁵. Таким образом, элементы традиционной батакской архитектуры, утраченные при строительстве жилых домов, существуют и развиваются в погребальных сооружениях. В то же время у тоба давно существовала традиция сооружения для умерших высокого происхождения каменных гробов

⁵ О символике корабля подробнее см.: с. 293–306 наст. изд.

в виде лодки, нос которой представляет собой стилизованное изображение предка. Именно такое древнее погребение я видела на острове Самосир. Встречаются и гробницы нового облика, причем если есть средства, их строят еще при жизни. Однажды мне встретилось громадное сооружение в виде пирамиды с округлыми гранями. Ее построил для себя еще вполне здравствующий генерал.

Погребальный обряд у тоба батаков длится несколько дней. Вместе с группой священниц и священников (всего было 8 человек) я присутствовала на одном из циклов этой церемонии, которая происходила на третий день после смерти. Это было в деревне Джанджи Матогу в районе Порсеа. Захоронение должно было состояться на следующий день. Шло отпевание, священницы и священник произносили довольно длинные речи, в ответ на это сын умершей высказал слова благодарности. Весь обряд шел по традиционному порядку. Умершей было 73 года. Она лежала в гробу прямо в комнате. Около ее изголовья сидели муж, дети, пожилые подруги. Все были одеты в традиционные одежды. Женщины — в длинные юбки, кофты с перекинутым через правое плечо шарфом. После отпевания они охотно фотографировались, беседовали, муж выходил курить на веранду, пить кофе, разговаривать с посетителями, которые шли постоянным потоком. Около дома было очень оживленно — шли приготовления к трапезе, которая должна была состояться на следующий день после захоронения: толкли рис, готовили к нему приправы, разделявали тушу буйвола, опаленная голова которого лежала отдельно. В окружающей обстановке не чувствовалось особенной печали, не было слез, все присутствующие были приветливы и деловиты. На мой вопрос, выражают ли батаки каким-либо образом скорбь, они ответили: «Да, если умирают в молодом возрасте». Умершая же была пожилой, после нее остались 23 потомка, т. е. дети, внуки и правнуки. Ее потомство символически было представлено 23 сосудами, сплетенными из рисовой соломы, которые были расставлены на верхней полочке над окном комнаты, где лежала умершая. Она выполнила свое жизненное предназначение, поэтому и не было особенной грусти, когда она ушла из жизни. У этой семьи не было земли, и захоронение должно было происходить высоко в горах.

В связи с погребальными комплексами следует опять возвратиться к магическим жреческим жезлам. В настоящее время можно наблюдать их новую функцию — они становятся важнейшим элементом погребальных монументов членов высокопоставленных родов. Но в этой функции жезлы представляют собой уже не вертикально выстроенную деревянную пластическую скульптуру, а крупные каменные столбы, установленные на постаменты. Таково захоронение членов рода Пангабеан в деревне Симорангкир (окрестности Тарутунга), таково же одно из захоронений национального героя батаков Си Сингамангараджи XII в Медане в виде целого скульптурного комплекса, составляющими которого являются традиционный батакский дом со стоящим перед ним каменным столбом в виде магического жезла (см. рисунок на с. 194 наст. изд.).

Простые батаки не знают о том, что есть такая страна Россия, для них все европейцы являются выходцами из одного мира. В глубинных районах Суматры, где проживают батаки, россиян никогда не было. В связи с этим у меня было много смешных и курьезных случаев, о чем я собираюсь написать в будущем.